

УДК 343.1

М.М. Якубель, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: mayak81@list.ru)

ЛИЦО, СОВЕРШИВШЕЕ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ, КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматривается понятие «лицо, совершившее общественно опасное деяние». Исследуются группы субъектов, которые его образуют. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что существующее определение не дает четкого представления о лицах, в отношении которых предварительное расследование и судебное разбирательство должно вестись по правилам производства о применении принудительных мер безопасности и лечения. Формулируются предложения по совершенствованию терминологии уголовно-процессуального кодекса.

Ключевые слова: лицо, совершившее общественно опасное деяние; участник уголовного процесса; процессуальное положение; психическое расстройство (заболевание); производство по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения.

Тема защиты прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство по уголовному делу, вызывала и продолжает вызывать интерес в среде ученых-процессуалистов. Вместе с тем проблема обеспечения прав психически больных субъектов, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, в отечественной научной литературе освещается не активно. В этой связи представляется интересным подвергнуть теоретическому осмыслению отдельные положения действующей уголовно-процессуальной регламентации в обозначенной сфере с целью оценки ее эффективности.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) закрепляет (п. 49 ст. 6) понятие участника уголовного процесса, включая в его содержание судью, прокурора, государственного обвинителя, начальника следственного подразделения, следователя, начальника органа дознания, лицо, производящее дознание, подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего и иных лиц, принимающих участие в уголовном процессе¹. Такое определение позволяет причислить к этой категории и субъекта, именуемого «лицо, совершившее общественно опасное деяние». Указанное понятие используется в законе для обозначения участников, в отношении которых ведется производство по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения.

Согласно п. 13 ст. 6 УПК содержание названной категории образуют лица, совершившие общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости или заболевшие после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием). Следует отметить, что Республика Беларусь стала первой на постсоветском пространстве страной, законодательно закрепившей отдельное наименование для таких субъектов и возможность рассматривать их как самостоятельных участников уголовного процесса. Тем не менее указанный прогрессивный шаг не повлек за собой комплексной оптимизации производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения, а породил целый ряд вопросов как теоретического, так и практического характера. Наиболее значимые из них связаны с отсутствием в УПК правового механизма трансформации подозреваемого, обвиняемого в лицо, совершившее общественно опасное деяние, а также с неопределенностью процессуального статуса данного субъекта.

Сам термин, использованный законодателем для обозначения упомянутого участника уголовного процесса, нельзя признать удачным. Его лексическое значение с большей долей вероятности предполагает отнесение к содержанию данной категории лиц, совершивших любое опасное для общества деяние: преступление, административное правонарушение, гражданско-правовой деликт и т. п., а не психически больных субъектов, совершивших деяния, запрещенные Особенной частью Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

¹ Следует оговориться, что первоначально указанная норма содержала исчерпывающий перечень участников уголовного процесса, однако после изменений, внесенных в текст УПК Законом от 4 января 2008 г. № 308-З, к ним были отнесены не только названные в п. 49 ст. 6 субъекты, но и «иные лица, принимающие участие в уголовном процессе».

В целях определения объема понятия «лицо, совершившее общественно опасное деяние» важно рассмотреть более подробно групповые признаки субъектов, включенных законодателем в его содержание.

Для уяснения содержания первой категории («лицо, совершившие общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости») следует обратиться к содержанию ч. 1 ст. 28 УК, которая определяет состояние невменяемости как невозможность лица сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие хронического психического расстройства (заболевания), временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики. Таким образом, рассматриваемую группу субъектов образуют лица, которые на момент совершения общественно опасного деяния, предусмотренного Особенной частью УК, находились в одном из состояний, включенных в соответствии с ч. 1 ст. 28 УК в понятие «невменяемость», и вследствие этого не имели возможности сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими. Вместе с тем отдельные ученые (П.А. Колмаков, А.Н. Ларин, А.П. Овчинникова, С.Я. Улицкий, А.А. Хомовский, А.Г. Яцкевич) в своих работах справедливо отмечают, что лицо может обоснованно именоваться совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости только тогда, когда наличие у него такого состояния установлено решением суда по уголовному делу. Сходной позиции придерживается и Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, в постановлении № 1 от 28 марта 2013 г. которого указывается, что «Решение вопросов о невменяемости... относится к компетенции суда».

Разделяя приведенную позицию, полагаем не совсем корректным использование законодателем термина «невменяемость» применительно к досудебным стадиям уголовного процесса. Кроме того, категория «лицо, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости» не позволяет судить о психическом состоянии субъекта на момент производства по уголовному делу. Таким образом, по смыслу Закона (п. 13 ст. 6 УПК) обязанность следователя – вести расследование в «особом» порядке – в данном случае обуславливается лишь наличием у лица психического расстройства (заболевания) на момент совершения противоправного деяния и не зависит от состояния его умственных способностей во время проведения предварительного следствия. Другими словами, если лицо на момент совершения общественно опасного деяния страдало психической патологией, включенной в соответствии со ст. 28 УК в понятие «невменяемость», то расследование должно проводиться в порядке гл. 46 УПК, даже если к моменту осуществления процессуальных действий лицо выздоровело либо его психическое состояние значительно улучшилось. Такой подход, как представляется, не в полной мере согласуется с назначением производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения: обеспечить дополнительными процессуальными гарантиями субъекта, процессуальная дееспособность которого ограничена психическим расстройством (заболеванием) в момент проведения расследования по делу. Тем не менее указанное положение воспринято правоприменителями и реализуется в их деятельности. Так, например, при производстве по уголовному делу, возбужденному в отношении гражданина П. по ст. 14, ч. 1 ст. 205 УК, совершившего покушение на хищение мопеда, по результатам проведения комплексной судебно-психиатрической и наркологической экспертизы было установлено: «В момент совершения инкриминируемого деяния у П. отмечалось временное расстройство психики в форме алкогольного делирия..., в силу которого он не мог сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими». Однако на момент проведения экспертизы: «...алкогольный делирий у подэкспертного купировался, каких-либо психических расстройств... у П. не наблюдается. По своему психическому состоянию в настоящее время он способен самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе». Несмотря на вывод эксперта о полной процессуальной дееспособности подозреваемого на момент расследования, следователь дальнейшее производство по делу осуществлял в «особом» порядке, предусмотренном гл. 46 УПК, реализуя тем самым дополнительные процессуальные гарантии применительно к лицу, которое в этом фактически не нуждалось [1].

Вопрос о целесообразности ведения «особого» производства в отношении таких субъектов является дискуссионным и вряд ли имеет однозначный ответ. Доводы «против» таких действий

уже изложены выше. Что касается аргументации «за», то здесь возможно провести определенную аналогию с производством по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет. Так, в случае достижения несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым восемнадцатилетия, которое обуславливает уголовно-процессуальную дееспособность лица, начатое в отношении него производство, регламентированное гл. 45 УПК, не прекращается, а устраняются лишь отдельные процессуальные гарантии, в применении которых отпадает необходимость (прекращается участие законных представителей подозреваемого или обвиняемого, не применяется правило о сокращенном времени допроса и др.). Другие процессуальные гарантии (например, обязательное участие защитника в производстве по делу) осуществляются в отношении совершеннолетнего субъекта в силу того, что предусмотренное уголовным законом деяние он совершил в несовершеннолетнем возрасте.

В этой связи представляется, что идея о ведении «особого» производства, регламентированного гл. 46 УПК, в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости, но выздоровевших ко времени производства по уголовному делу, отвечает современным тенденциям развития отечественного уголовно-процессуального законодательства, вектор совершенствования которого направлен на обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса. Необходимой видится в данном случае лишь терминологическая доработка наименования рассматриваемой группы субъектов с учетом тезиса о том, что правом на установление невменяемости обладает только суд. В качестве возможного варианта предлагается замена категории «лицо, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости» оборотом «лицо, страдавшее в момент совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, психическим расстройством (заболеванием), включенным в соответствии с ч. 1 ст. 28 УК в понятие невменяемость». Использование такой формулировки позволит правильно обозначить рассмотренную группу субъектов и избежать преждевременного (для досудебных стадий уголовного процесса) вывода о невменяемости таких лиц.

Для того чтобы очертить круг субъектов, входящих в понятие с наименованием «лица, заболевшие после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием)», необходимо определить содержание понятия «психическое расстройство (заболевание)». В общем смысле оно обозначает «болезни, вызванные расстройством мозговых центров, мозговой деятельности человека» [2, с. 634]. Законодатель вкладывает в него несколько иное значение. Так, согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об оказании психиатрической помощи» психическое расстройство (заболевание) определяется как состояние (заболевание), обусловленное расстройством психического здоровья человека вследствие нарушения функционирования организма в результате воздействия биологических, физических, химических, психологических, социальных, иных факторов, характеризующееся психопатологическими и (или) поведенческими нарушениями и подтвержденное диагнозом, установленным врачом-специалистом или врачебно-консультационной комиссией.

Если использовать приведенное определение для понимания смысла исследуемого нами понятия, то оборот «лица, заболевшие после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием)» объединит в себе субъектов, которые на момент совершения преступления были психически здоровы, однако после его совершения впали в состояние (заболевание), обусловленное расстройством психического здоровья человека вследствие нарушения функционирования организма в результате воздействия биологических, физических, химических, психологических, социальных, иных факторов, характеризующееся психопатологическими и (или) поведенческими нарушениями и подтвержденное диагнозом, установленным врачом-специалистом или врачебно-консультационной комиссией.

Вместе с тем и это определение видится не совсем удачным, так как не позволяет судить о характере и степени психической патологии, которые также влекут различные юридические последствия. Например, психическая болезнь может полностью лишить лицо возможности «сознавать значение своих действий или руководить ими» (ч. 1 ст. 442 УПК), может проявиться лишь в неспособности лица «самостоятельно осуществлять свое право на защиту» (п. 4 ч. 1 ст. 45 УПК), а может и вовсе не сказаться на процессуальной дееспособности субъекта. Между тем к какой

бы группе не относилась психическая патология, выявленная у участника уголовного процесса, она согласно существующей регламентации (п. 13 ст. 6 УПК) входит в использованную законодателем категорию «психическое расстройство (заболевание)», вследствие чего субъект должен признаваться «лицом, совершившим общественно опасное деяние», и производство в отношении него должно осуществляться по правилам гл. 46 УПК. Другими словами, субъектом производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения должно становиться лицо, заболевшее после совершения преступления любой психической болезнью, в том числе и той, которая не лишает его возможности сознавать значение своих действий или руководить ими. Однако это противоречит содержанию ч. 1 ст. 442 УПК, согласно которой принудительные меры безопасности и лечения, предусмотренные ст. 101 УК, применяются судом к лицам, совершившим общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости или заболевшим после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими. Кроме того, непонятно, следует ли применять правила, предусмотренные гл. 46 УПК, при осуществлении предварительного расследования, ведущегося в отношении лиц:

– страдавших на момент совершения преступления и продолжающих страдать после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), влекущим признание лица уменьшено вменяемым;

– страдавших на момент совершения преступления и продолжающих страдать после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), которое не лишает лицо возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, т. е. психической патологией, влекущей признание лица вменяемым в отношении совершенного им общественно опасного деяния.

Указанные категории субъектов не могут быть отнесены к «заболевшим после совершения преступления», так как у них психическое расстройство наступило до совершения преступления, имело место во время его совершения и продолжается после окончания преступной деятельности.

Представляется, что, закрепляя п. 13 ст. 6 УПК Республики Беларусь понятие «лицо, совершившее общественно опасное деяние», законодатель намеревался включить в его содержание лиц, совершивших общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости, и лиц, заболевших после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими. Другими словами, он стремился обозначить лиц, которые в момент возникновения уголовно-правовых и осуществления уголовно-процессуальных отношений страдали заболеванием, исключающим возможность назначения в отношении них уголовного наказания. Критерием разделения этих субъектов на две категории стал временной параметр, так как если лицо страдало психическим заболеванием на момент совершения общественно опасного деяния, то оно является невменяемым, а если приобрело заболевание после совершения преступного деяния, то такое деяние уже называется преступлением, а лицо следует именовать заболевшим после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием). Однако неудачная формулировка, использованная законодателем, исказила предполагаемый смысл и допустила неоднозначное понимание термина.

Устранить создавшуюся правовую ошибку видится возможным путем конкретизации содержания п. 13 ст. 6 УПК с учетом ранее сформулированных в данной работе положений. Таким образом, под категорией «лицо, совершившее общественно опасное деяние» следует понимать лицо, страдавшее в момент совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, психическим расстройством (заболеванием), включенным в соответствии с ч. 1 ст. 28 УК в понятие «невменяемость» или заболевшее таким психическим расстройством (заболеванием) после совершения преступления.

Внесение соответствующих изменений в текст уголовно-процессуального закона позволит четко обозначить круг субъектов, в отношении которых производство по уголовному делу должно вестись по правилам гл. 46 УПК, что будет способствовать надлежащему обеспечению прав и законных интересов граждан, страдавших психическим расстройством (заболеванием) во время совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, или заболевших после совершения преступления.

Список использованных источников

1. Архив суда Речицкого района Гомельской области за 2009 г. – Уголовное дело № 292.
2. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д.Н. Ушаков. – М. : Дом Славянской книги, 2008. – 960 с.

Дата поступления в редакцию: 23.07.19

M.M. Yakubel, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

PERSON WHO MADE PUBLIC DANGEROUS ACTION AS A SUBJECT OF CRIMINAL PROCEDURE RELATIONSHIPS

The concept of “a person who has committed a socially dangerous act”, explores the groups of subjects that form it is discussed in the Article. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the existing definition does not give a clear picture of the persons in respect of whom the preliminary investigation and trial should be conducted according to the rules of proceedings on the use of compulsory security measures and treatment. The proposals to improve the terminology of the criminal procedure code are formulated.

Keywords: a person who has committed a socially dangerous act, a participant in a criminal process, procedural status, mental disorder (illness), criminal proceedings on the application of enforced measures of safety and treatment.